

СКОЛЬКО РАЗНОГО ВСТРЕЧАЕШЬ НА ДОРОЖЕ ЖИЗНИ!
ИДЕШЬ, ИДЕШЬ ВПЕРЕД, И ВДРУГ ЗАСИЯЕТ ПЕРЕД ТОБОИ
ОДИН КАМЕНЬ — ОГРОМНЫЙ И ДРАГОЦЕННЫЙ, ВОСПОМИНА-
НИЕ О КОТОРОМ ХОЧЕТСЯ СОХРАНИТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ. ДАЖЕ
ПОЧВА, ТРАВИНКИ, ЧТО СОПРИКАСАЛИСЬ С НИМ, СОХРА-
НЯЮТ В РАМЕ ТВОИХ ВОСПОМИНАНИЙ КАКОЙ-ТО ОСОБЕН-
НЫЙ АРОМАТ...

Наталья САЦ

Издательство «Искус-
ство» готовит к печати но-
вую книгу известного со-
ветского режиссера, соз-
дателя советского детско-
го театра Наталии Ильи-
ныны Сац «Новеллы мо-
ей жизни». Сегодня мы
публикуем отрывки од-
ной из глав, рассказы-
вающей о встречах авто-
ра книги с великим уче-
ным современности Аль-
бертом Эйнштейном.

У АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА

МОЯ постановка «Фальстафа»
звучала на сцене берлин-
ской «Кроль-оперы» весной
1931-го.

Я иду по улице. Мальчик продает
вечернюю газету. На первой страни-
це моя смеющаяся физиономия, ре-
цензия о «Фальстафе», подзаголо-
вок «Успех первой женщины-ре-
жиссера».

Вот и величественное здание
«Кроль-оперы» с радушно распах-
нутыми дверями. Вхожу в ложу.
Аплодисменты. Это Отто Клемперер
появился в оркестре и идет к дири-
жерскому пульту. Взмах его волшеб-
ной палочки — и зал во власти
ликующего жизнелюбия Верди —
Шекспира.

Антракт. Я у себя в закулисной
комнате. Надо объявить завтраш-
нюю репетицию. Склоняюсь над
столом, слышу, кто-то входит. Гово-
рю нетерпеливо: «Одну минуту. Сей-
час допишу».

«Не торопитесь», — отвечает муж-
ской голос удивительно приятного
тембра. — «Мы хотим сказать вам,
что спектакль ваш нам нравится и
певцы ваши сродни Шекспиру». Кто
это с таким приятным звуком
голоса? Поднимаю глаза: пожилые
мужчина и женщина. Она невысо-
кого роста в темном платье с белым
воротничком, с приветливой улыб-
кой, он... Где я видела эти черные,
одна выше, другая ниже, словно в
пляске, брови, большие карие смею-
щиеся и такие лучистые глаза, мяг-
кий подбородок, высокий лоб, черно-
седые волосы, которым, видимо,
очень весело и свободно на этой го-
лове? Галстук набок, обжитый пид-
жак...

Я еще не могу отключиться от
мысли о завтрашней репетиции,
двоюсь между ней и вхождением. Го-
ворю привычное: «Простите...», но
она весело вырывает меня: «Позволь-
те вас познакомить с Ильзой — же-
ной Эйнштейна». Она протягивает
мне приветливую руку, я ей толкаю.
И вдруг, уже не знаю как, задаю
идиотский вопрос: «А почему... вы
пришли с женой Эйнштейна?».

«Вероятно, потому, что я тоже
Эйнштейн», — отвечает он.

Наутро уже многие знали, что
Альберт Эйнштейн посетил новую
постановку в «Кроль-опере», что он,
видимо, был доволен: аплодировал,
много смеялся. А через день ко мне
позвонили: «Эйнштейны приглашают
вас провести воскресенье у них на
даче»...

НУ, ВОТ и пришли», — сказал
мой сопровождающий, оста-
новившись у деревянной
калитки, такой же, какая была у
нас на даче в Серебряном бору.
Первое, что я увидела, — рядки
клубники, кусты роз, барбариса и
картофеля. К калитке подбежала
худенькая девушка, чмокнула меня
в щеку.

Вслед за Маргот (так звали ее) к
калитке подошла фрау Ильза в серо-
белом цветастом фартуке поверх
вязаного костюма из мягкой шерсти,
очень приветливо протянула мне
руку и повела меня по направле-
нию к дому; он стоял в глубине са-
да-огорода, деревянный, двухэтаж-
ный, простой и уютный, как его хо-
зяин.

Но до дома я не дошла. Справа,
за кустом цветущего жасмина, уви-
дела самого Эйнштейна со шляпом
в руке, засняла его улыбка, а вме-
сте с ней все вокруг. «Добрый
день! Рад, что вы к нам пришли.
Не хотите ли порежиссировать ря-
дом со мной на клубничной гряд-
ке?».

В два счета я перескочила через
отделявшие меня от Эйнштейна огу-
речные грядки и канавки с водой,
оказавшись рядом с ним около клуб-
ники. Великий ученый поливал ее
из шланга.

«Поливает с математической то-
чностью», — подумала я, принимаясь
за прополку. Травы было немало, и
оправдать доверие было важнее все-
го. После нескольких минут молча-
ния он спросил:

«Вы любите... это?» — и показал
на землю.

У Художественного театра была
земля на Днепре, в Каневе. Сулер-
жичский говорил: «Зимой — работа

в театре, летом — на земле». И мы,
дети Художественного театра...

«Вы говорите о Сулержичском, ко-
торый был связан с Львом Тол-
стым?».

«Да, о нем», — сказала я, любясь
его глазами, при свете солнца еще
более удивительными. Казалось, от
них летят блестящие брызги, кото-
рые весело играют с брызгами воды.

Ы ВОШЛИ в большую ко-
мнату на первом этаже. На
подоконниках, шкафу, пи-
анино, повсюду стояли скульптурные
работы. Они были выразительны и
разнообразны. Чувствовалось, что
скульптор хорошо видит и любит
людей — их нежность, горести, за-
мечает и смешное. Эйнштейн и Иль-
за уже сидели за круглым столом и
с гордостью смотрели, как внима-
тельно я рассматриваю выразитель-
ные глиняные головы матери с ре-
бенком, старика, фавна, волосато-
бородатую статуэтку. «Все это де-
лает наша Маргот», — сказал Эйн-
штейн, — не правда ли, талант у
нее есть?!». Он снова был весь тут,
с нами.

Маргот и Ильза накрывали стол
сами. Мне, уже побывавшей в Бер-
лине на приемах, в домах знамени-
тых артистов, было странно и доро-
го, полное отсутствие прислуги у
Эйнштейнов. Они все делают са-
мыми своими руками.

На столе было много овощей, да-
же артишоки и спаржа, маринован-
ные грибы, очень вкусные пироги и
пирожки, рыба. Я ела и разглядыва-
ла комнату. Мебель? Сервировка?
Не те слова. Покупали, когда при-
дется, что придется, утилитарию
нужное, по частям. Разные тарелки,
кружки и чашки, соломенные и
складные стулья и табуретки. Толь-
ко пианино было в чести: вышитая
дорожка наверху, другая — на кры-
шке. Из рассказов мне запомнилось,
как, делая доклад об атомной тео-
рии в Цюрихе, тогда еще молодой
Эйнштейн предупредил, чтобы от
него не ждали элегантности изло-
жения: «Оставим элегантность пор-
тым и сапожникам...».

«Пусть Наташа немножко расска-
жет нам о Москве. Я ее так полю-
била», — сказала Маргот.

«Или еще лучше о театре для де-
тей», — поддержал ее Эйнштейн. Он
любил детей. Ему очень понрави-
лась идея детского театра.

«Я верю в большое будущее ва-
шей страны, а без счастливых детей
нет будущего. Воспитание радо-
стью, живые образы в противовес
школьной скуке — ох, как еще мно-
го на свете бездарных учителей, ко-
торые могут убить веру во все пре-
красное. А дети любят искать, сами
находить. В этом их сила. Они все-
гда чувствуют себя Колумбами, не
устают удивляться многочисленным
чуждаем живой жизни. Может быть,
самое трудное — научить их пони-
мать других людей, не всегда похо-
жих на тебя, познавать глубину
каждого. Мы часто перегружаем де-
тей книгами, впечатлениями, не по-
могаем им отобрать то главное, что
ведет в глубину знаний, в глубину
своих собственных мыслей и твор-
чества. Детям, как растениям, нуж-
но гораздо больше свободы, возмож-
ности познать самих себя».

Как я была рада, что могу мол-
чать и слушать. Его вопросы тоже
были интересны: ставили ли мы для
детей Шиллера? Читала ли я пись-
ма Марка Твена, в которых он назы-
вает детский театр своей самой
большой мечтой. Как я отношусь к
картине «Броненосец «Потемкин» и
режиссеру Эйзенштейну? Почему в
детском театре не идет такая поэти-
чная пьеса, как «Синяя птица»,
музыку к которой, как он знает, на-
писал мой отец? Большую ли роль
в нашем театре играет музыка и ча-
сто ли дети в Москве слушают Мо-
царта?

Моцарт был кумиром Эйнштейна,
он говорил о его музыке с таким
глубоким проникновением, что я ди-
ву далась: физика, математика, ли-
тература, музыка — вся культура в
одной голове!

И вдруг Эйнштейн вскопчил и поч-
ти убежал из-за стола.

Ильза надела мне еще чая и ла-
ково зашептала: «Я полюбила Аль-

берта еще маленькой девочкой, ко-
гда он играл, и как чудесно играл,
на скрипке Моцарта. Да, мы знако-
мы с раннего детства, ведь он мой
троюродный брат».

Я не переставала удивляться в
этот вечер.

«Значит, он и на скрипке играет?».
«Ну, конечно, и на рояле тоже.
Когда он обдумывает свои теории,
ему всегда помогает музыка. Он то
уходит в кабинет, то берет аккор-
ды на пианино, потом что-то запи-
сывает, потом опять в кабинет. В та-
кие дни мы с Маргот совсем исче-
заем из его мира, разве тихо подсу-
нем что-нибудь поест или подадим
калоши. Он может выйти без пальто
и шляпы на улицу, вернуться, стоять
на лестнице...».

Неожиданно Ильза встала.

Я обернулась и увидела Эйнштей-
на, который бережно нес скрипич-
ный футляр. Ильза мгновенно очи-
стила место на столе, протерла его
сухой тряпкой, подстелила бумагу,
и только тогда Альберт положил ту-
да свое сокровище, открыл футляр.
«Музыканта можно узнать по отно-
шению к своему инструменту», —
говорил композитор Илья Сац, мой
отец.

Скрипка жила у Эйнштейнов в
большом почте. Даже в футляре
лежала «одетая» в серый шерстяной
«пудовёр» такого же цвета и вязки,
как пудовёр ученого.

«Значит, Наташа согласна?» —
сказал ученый, подходя к пианино,
около которого я стояла. — «Мы тут
уже почти все русские, давайте иг-
рать Чайковского».

Взмах смычки... «Меланхолическая
серенада». Начинаем вместе. Темп
я бы взяла быстрее, но главное —
не разойтись. Играть вдохновенно,
вдумчиво звучит каждая фраза, а
склонность к замедлениям, верно,
средство подчеркнуть меланхолич-
ность этой серенады? Во второй ча-
сти он устремляется решительно
вперед, даже слишком, как мне ка-
жется, я за ним не поспеваю. Иг-
раю «Меланхолическую серенаду» в
первый раз — не все ноты выигры-
ваю, но это лучше, чем с ним разо-
йтись. В конце наш контакт делается
более тесным, и его чувствительные
темпы мне даже на руку.

Эйнштейн открывает «Юмореску».
Ее играла, знаю. Он тоже знает.
Очаровательное лукавство первых
тактов, острота ритмического рисун-
ка сменяются широкой улыбкой в
музыке, а чувство юмора, очевид-
но, в жизни и музыке одно и то же.
В «Русском танце» оказалось, что
мой солист не каждый день зани-
мается техникой. Но... разве не чу-
до, что он играет по-настоящему хо-
рошо, полупрофессионально, любит,
чувствует, раскрывает музыкальные
образы при основной работе... ведь
не в оркестре же!

Потом он попросил меня сыграть
произведения отца: он только слы-
шал о них, а не саму музыку. Иг-
рала «Синюю птицу», «Miserere».
Сыграла «После плаката». Эйнштей-
ну понравилась народная мелодия
— основа этого произведения. Он
сказал:

«Как бы это хорошо звучало на
скрипке».

«А это и написано для скрипки!
Сейчас сыграла в своем переложе-
нии для фортепиано».

«Мне бы хотелось, чтобы вы дали
мне ноты», — сказал Эйнштейн, —
я тоже буду играть эту мелодию».

«Можно я напишу вам скрипич-
ную партию сейчас?».

И вот теперь Эйнштейн стал иг-
рать с листа. Первую часть «После
плаката» он сыграл на удивле-
ние выразительно, право, мало кто
из профессионалов, окружавших ме-
ня в опере, мог играть так зарази-
тельно, от «большого сердца». Пусть
некоторая «старомодность» в игре
Эйнштейна имела место — интона-
ция была точной, бережно-чистой.

Во второй, быстрой части двой-
ные ноты ему не удалось, я взяла
вину на себя, сказала, что неточно
помню аккомпанемент.

Мы сыграли еще «Песню без
слов», «Ноктюрн». Эйнштейн поло-
жил передо мной «Баркароллу» из
«Времен года». Я никогда прежде не
видела скрипичного переложения
этой фортепианной пьесы.

«А Ленин между тем любил слу-
шать это произведение именно на
скрипке», — сказал Эйнштейн и рас-
сказал эпизод из времен женева-
ской эмиграции Владимира Ильича, ко-
гда он, слушая игру Красикова, под-
звуки этой музыки мысленно пере-
носился в Россию.

...Весной 1933-го московские
друзья решили отпраздновать пят-
надцатилетие моей работы в театре
для детей. И вдруг... письмо от Эй-
нштейна. Он вдумчиво мне рассказывал
о детском театре, «Фальстафе» в
«Кроль-опере», наш музыкальный
ансамбль, даже клубничные грядки,
и я еще раз подумала: сколько теп-
ла и человечности вмещает это
мудрое сердце!